

© ЭО, 2005 г., № 4

Ю.Е. Березкин. Рец. на: *Е.А. Окладникова. Традиционные культуры Северной Америки как цивилизационный феномен.* СПб.: МАЭ РАН; Корона Принт, 2003. 544 с.

В предыдущей рецензии на книгу Е.А. Окладниковой (Антропологический форум. 2004. № 1) я достаточно ясно сформулировал свою позицию. Откликнувшись на просьбу редакции “Этнографического обозрения” подробнее ее аргументировать, я вынужден вновь повторить прежние претензии касательно обилия в тексте фактических ошибок. В основном речь пойдет не об этом, но начать необходимо с такого рода простейшей критики, ибо “фактологический беспредел” тесно связан со – страшно сказать – идеологической направленностью монографии.

Книга написана человеком, плохо или по крайней мере односторонне знающим свой материал. В лингвистических классификациях и экскурсах в археологию перепутано практически все. Похоже, что автор заглядывает в источники и то переписывает из них какие-то абзацы, то сочиняет по памяти. Критика источников отсутствует начисто, публикации полувековой давности и современные, строго научные и полубеллетристические идут наравне. Вот несколько примеров того, что получается в результате.

С. 18. “В период потепления климата (28/27–12 тыс. лет назад) берингийский мост суши периодически исчезал в волнах мирового океана”. Означенный отрезок времени в действительности охватывает период относительно теплого климата, затем ледниковый максимум (20–14 тыс. лет назад) и, наконец, резкое потепление (12–14 тыс. лет назад).

С. 22. “На Аляске были обнаружены серии... неолитических (культура индепенденс-1, ипиутак и древнеберингоморская культура) памятников”. Культура индепенденс-1 – это Северная Гренландия, а не Аляска. Ипиутак и древнеберингоморская культуры – неозскимосские, связанные с традицией туле и датируемые I тыс. н.э. Индепенденс-1 – это пре-дорсет, конец III тыс. до н.э. Ни то, ни другое нельзя именовать неолитом, такого понятия в арктической археологии просто нет.

С. 23. “В долине Огайо, в нижнем течении реки Теннесси, около 5 тыс. лет назад, то есть в эпоху средней фазы палеоиндейского периода, начала складываться неолитическая традиция”. Палеоиндейский период кончился 10 тыс. лет назад с завершением похолодания, известного как Молодой Дриас, а 5 тыс. лет назад была средняя фаза Архаического периода.

С. 24. “Палеоиндейская традиция в восточных районах Северной Америки охватывает период с 8 до 1,5 тыс. лет до н.э. Ее создатели занимались охотой на крупных животных. Сменившие культуру гейни культурные традиции строителей курганов адена и хоупвелл (1500–700 гг. до н.э.) сохраняли многие особенности жизнеобеспечения, характерные для палеоиндейской стадии”. Культура гейни – это действительно палеоиндейцы, восточный вариант клоvisa (10,9–11,6 тыс. лет назад). Адена появляется ок. 700 г. до н.э., хоупвелл – в 3–4 вв. н.э. О том, что между гейни и аденой могло быть что-то еще (а была там целая Архаическая эпоха), автор не подумала.

И так далее. Археологические датировки и эпохальные атрибуции памятников и культур изредка бывают правильными, но так как для автора за ними никакой реальности не стоит, то Окладникова немедленно забывает о только что написанном и на следующей странице пишет иначе. Так же обстоит дело и с другими обобщениями любого уровня. Возьмем простейшее. На с. 24 читаем: “В районе восточных лесных равнин и в Американской Арктике получила

Юрий Евгеньевич Березкин – доктор исторических наук, заведующий отделом Америки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

распространение диета, основанная на белковой пище, которая дополнялась растительной пищей. Среди предметов материальной культуры здесь использовались корзины для сбора съедобных растений, зернотерки, ножи, сверла, скребки". Для читателя, ничего об археологии Америки не знающего, это высказывание выглядит осмысленным, но по сути оно – "глокая куздра".

Что такое "восточные лесные равнины"? Такого региона в США и Канаде нет. Предположим, что это область Великих Озер, но тогда какое отношение эти самые "восточные лесные равнины" имеют к Американской Арктике, большая часть которой ранее конца III тыс. до н.э. вообще оставалась незаселенной? Противопоставление белковой пищи растительной абсурдно, ибо растения тоже содержат белки. Если имеются в виду белки животного и растительного происхождения, то почему автор уверена, что вторые дополняли первые, а не наоборот (структура диеты – сложная самостоятельная проблема, автор ею не занималась). Корзины в американской Архаике, конечно, использовались, но не только на "восточных лесных равнинах", зато в Арктике их не было. Кстати, весь абзац посвящен именно культурам североамериканской Архаики. Как мы только что видели, термин этот был автору вовсе не знаком на с. 23, но появляется на с. 24, где источником, очевидно, служила другая книжка.

Ситуация катастрофична не только на тех страницах, где автор "Цивилизационного феномена" рассказывает о доколумбовом прошлом аборигенов Америки по материалам археологии, популяционной генетики, физической антропологии и лингвистики, но часто и там, где речь идет об истории формирования наших знаний о жителях континента. Чего стоит утверждение, что "русские землепроходцы разделили эскимосов на западных (Аляска и бассейн р. Маккензи), центральных (арктическое побережье Канады) и восточных (Гренландия)"! Ни об одной из этих групп, кроме эскимосов юго-западной Аляски, "русские землепроходцы" не имели понятия. Но, может быть, автор по крайней мере разбирается в этнографических материалах?

На с. 50 читаем следующее. "Когда в культуре команчей и апачей миграции с севера на юг континента оказались связанными с изменениями в системе жизнеобеспечения (из охотников они превратились в разбойников), то у них появились новые культы, новый социальный порядок". Во-первых, команчи не мигрировали с севера, это группа шошони, вышедшая на Равнины с запада. Во-вторых, воинственность апачей и команчей не мешала им оставаться охотниками. Видимо, автор хотела сказать, что из пеших охотников апачи и команчи стали конными.

Особенностями духовной культуры "алеуто-эскимосского мира" являются, по Окладниковой (с. 103), "Вороний цикл, анимистическое мировоззрение, вера в зооморфных духов-хранителей и шаманизм". Вороний цикл в фольклоре – это ареальное явление, характерное для ительменов, палеоазиатов, эскимосов и атапасков Аляски, индейцев Северо-Западного Побережья. По алеутам соответствующих данных ничтожно мало, у эскимосов Канады и Гренландии Вороньего цикла не было. Все остальные "особенности" известны далеко за пределами Северной Америки.

На с. 106 дана классификация северных атапасков. Многие атапаскские группы зачисляются одновременно в разные подразделы, иногда в разной транскрипции. В первую группу, "получившую распространение в Арктике, включая озера Канады", входят, среди прочих, танайна. Во вторую, "оказавшуюся под влиянием эскимосов и индейцев Северо-Западного Побережья", зачислены "чилькотины" и танайна; в третью ("атапаски внутренних территорий") – чилькотины и кенайцы. Кенайцы – это те же танайна, жившие, естественно, не на "внутренних территориях", а по берегам залива Кука. Есть еще четвертая группа, в которую зачислены непоименованные племена центральных районов Субарктики (эта группа должна частью совпасть с первой и со второй) и совсем таинственные "атапаски Восточной Субарктики", с которыми за компанию названы алгонкины и беотук. Составить подобный список мог лишь человек, понятия не имеющий об этноязыковых группировках атапасков и переписывающий названия из нескольких справочников. Названий много, запомнить их трудно, вот и получается путаница.

Я дошел лишь до с. 106, отметив несколько взятых наудачу курьезных случаев. Комментировать в том же духе можно все подряд на любой странице, и я не вижу в этом смысла.

* * *

Было бы неверно утверждать, что автор вообще ничего не знает об индейцах и эскимосах. В каком-то смысле знания Окладниковой по этнографии аборигенов Северной Америки обширны. Одежда, прически, утварь, жилища, методы охоты, многие ритуалы – все это описано подробно и интересно. Наверное, и тут много ошибок, но я не в состоянии их проконтролировать, не обращаясь к источникам. Иногда режет глаз транскрипция, вызванная незнанием правил произношения в испанском (“якарилла” вместо “хикарилья”), однако для студентов это неважно. Вообще следует, наверное, учесть, что “Цивилизационный феномен” задуман как пособие для читателей, которым решительно безразлична датировка адены или хоупвелла, которые при всем желании не в силах запомнить бесчисленные этнонимы и которые никогда не слышали не только о пенути и хока, но и об уральцах или тибето-бирманцах. В таком случае книга выполнила свою задачу. Подробности все равно не запомнятся, но останется общее ощущение, некое представление об индейцах. И вот тут начинается самое интересное – какое именно впечатление может вынести неискушенный читатель?

Окладникова отстаивает определенную позицию, связанную с отказом от “культуроцентрического взгляда на мировую историю”. Правда, совсем всерьез эти ее слова принимать не стоит. Нет у автора никакой собственной “идеологии”, а есть интуитивное понимание того, что сейчас модно. Спорить надо не с Окладниковой, а скажем, с авторами новой экспозиции Музея Американских Индейцев в Вашингтоне. Поскольку, однако, в Соединенных Штатах достаточно археологов и этнологов, способных ответить на экспансию “гуманистической философии эпохи Постмодернизма” (термин Окладниковой, с. 42), то я сделаю вид, что “Цивилизационный феномен” – не симулякр, а продукт искренней убежденности. Я также не стану обращать много внимания ни на узнаваемые заимствования из чужих работ, ни на электическую окрошку из фамилий антропологов, где Мердок может соседствовать с Кардинером, Гребнер с Бенедикт, Радин с Дюркгеймом, а Кребер с Уайтом (последнему приписана “многочлинейная эволюция”!) и где о взглядах каждого говорится вполне позитивно.

Как я уже писал в предыдущей рецензии, на с. 391 своей работы Окладникова утверждает, что “земляная пирамида” Кахокии “по высоте превосходила пирамиду Хеопса”. На мой вопрос, знает ли Елена Алексеевна высоту соответствующих объектов, последовал ответ, что размеры пирамиды Хеопса ей известны, а о размерах Кахокии она понятия не имеет.

Ответ только кажется абсурдным. В действительности абсурден вопрос, ибо книга Окладниковой не предполагает никаких “на самом деле”. Это скорее “художественный” текст, где есть метафоры и тропы, но нет фактов и их анализа. “Цитата есть цикада” – только кретин стал бы требовать от поэта объяснений по части энтомологии. Столь же в сущности глупо перечислять фактические ошибки “Цивилизационного феномена”. Все этнонимы и датировки можно перемешать и заменить – ни количество ошибок, ни, главное, смысл не изменится. Смысл этот (в стиле Окладниковой, скорее, “дух”) определяется не фактами и не логикой, а рядом эмоционально богатых идиом типа “витальный уровень”, “птицепоклонники”, “топохрон”, “энергетический проект”, и, конечно, “цивилизация”.

Здесь у автора есть уважаемые предшественники по части как чисто литературной, так и историософской. Литературный предшественник – Милослав Стингл, которому было решительно безразлично, насколько создаваемые им образы индейских культур достоверны – важно, чтобы они соответствовали ожиданиям публики. И поскольку Стингл все же не претендовал на признание в научных кругах и больше интересовался гонорарами, то и претензий к нему быть не может. Следует признать, что и Елена Алексеевна в этом плане далеко не бездарна – она умеет увлечь читателя, имитируя форму научного текста ровно настолько, насколько это требуется для завоевания читательской аудитории. Незнакомый с материалом и не наученный критически думать школьник, студент или дилетант постарше должен почувст-

воваться свою причастность к “науке” и одновременно прикоснуться к тайне, экзотике, “индейскости”.

По части историсофии предшественники Окладниковой еще солиднее – от Данилевского до Гумилева. Тойнби ведь даже писал о “цивилизации эскимосов”, погибшей, к сожалению, прежде, чем она возникла (“abortive civilization”). Окладникова не забывает внести в концепцию локальных цивилизаций поправку в духе “гуманистического постмодернизма”: все “цивилизации” одинаково хороши, у всех есть свои “ценности” – кто ловит красную рыбу, кто воздвигает тотемные столбы, а кто – пирамиды. Все “цивилизации” равны, но столь уникальны в смысле “народного духа”, что практически несопоставимы. “Одной из главных моральных ценностей индейцев Плато считался труд”, а вот для тлинкитов “особой ценностью была родовая система социальных отношений” (с. 514). “Для создателей цивилизации красной рыбы... на витальном уровне ценностями были арктическая и субарктическая охотничья традиция (включая лов лосося), земледельческие технологии (на Плато не было земледелия. – Ю.Б.), воспринятые от южных соседей, и элементы коневодческой культуры индейцев Великих Равнин” (с. 512). “Ценностями духовного плана стали для индейцев Большого Бассейна гадательные игры” (с. 516).

На то, что любые черты культуры перечисляются с добавлением слова-паразита “ценность”, можно было бы закрыть глаза, но что “лошадь и бисер” (с. 517), “рыболовство, полуподземное жилище и инициация девочек” (с. 514) упомянуты как явления равноправные, с этим я уже не согласен всерьез. Переставая видеть причины и следствия, главные и второстепенные факторы в развитии культуры, мы возвращаем антропологию в лучшем случае ко временам Тайлора, а скорее – еще дальше, едва ли не в XVII в. Окладниковой не откажешь в умении заинтриговать читателя: смешивать все в одну кучу эффектно, ибо идет вразрез с усвоенными по советским учебникам штампами – производительные силы, производственные отношения, надстройка. Правда, изгнанная в дверь, привычная “трехчленка” почему-то возвращается в окно в виде иерархии “витальных”, “социальных и моральных” и “сакральных” ценностей (с. 510). Но здесь-то термин “ценность” наполняется, наконец, содержанием – мы говорим не о роли лосося в экономике сахаптин, а о представлении о такой ловле, не о зависимости социальной организации народов Равнин от численности бизонов и от возможности или невозможности выращивать кукурузу, а о бизонах или кукурузе как “ценностях”. Тогда новый вопрос – откуда Окладникова знает, что эти “ценности” образуют иерархию, причем у всех индейцев одну и ту же? Узнать, кто что считал более важным, любовь к труду или “умеренный пацифизм”, можно только путем прямого общения с носителями культуры, о чем в нашем случае речи, естественно, нет.

Окладникова довольно настойчиво проводит в монографии свою основную идею: как созданные разными исследователями “культурные типологии” в равной мере приемлемы, так и культуры индейцев обладают равноценными и в то же время совершенно различными наборами “ценностей”. Равенство “типологий”, основанных на принципиально различных подходах к изучению культуры, означает: то ли все эти подходы следует считать правильными, то ли наоборот – все ошибочными. Какой выбор ни сделаешь, получается, что перед нами всего лишь умственные конструкции, каждая не хуже и не лучше других. Что же до самих индейских культур, то все они, безусловно, достойны уважения как закономерно сложившиеся в характерных для них природных условиях и историческом окружении. В этом смысле они равны. Но существует большое число параметров, по которым культуры не равны, и не замечать такое неравенство – значит отрицать “ценность” как нашей собственной культуры, так и достижений человеческого интеллекта и человеческой этики от палеолита до сего дня.

Культуры невозможно однозначно расставить на ступеньках цивилизационной лестницы, их характеристики противоречивы, но еще более опасно отрицать объективно существующие кросскультурные эволюционные тенденции. Если мы признаем, что наша культура не обладает ничем, что доказывало бы ее превосходство над остальными в некоторых существенных областях, то мы должны поставить под сомнение и универсальную (а не специфическую для определенной “цивилизации”) ценность нашего главного достижения – науки, осно-

ванной на уверенности в способности человека адекватно познавать мир. Отказавшись от “глобализма”, мы отдаем себя на милость других культур, менее отягощенных комплексом собственной неполноценности.

Против использования термина “цивилизация” по отношению к историко-культурным областям вообще и к известным со времен Мейсона, Кребера и Уисслера культурным ареалам Северной Америки есть и более частное возражение. Подобные области – это описательные, а не аналитические единицы. Они были выделены этнологами для систематизации огромного фактического материала и в этом своем качестве остаются необходимыми инструментами в работе. Однако культурные ареалы никогда не осознавались самими индейцами и эскимосами, границы таких областей размыты, порою чисто условны. Атапасков чилкотин относят к региону Субарктики, но их с тем же успехом можно отнести к региону Плато, тем более, что до чилкотин на той же территории жили ээлиши. Кэддо числятся по Юго-Востоку, но их можно отнести и к Равнинам, где в период европейских контактов жили их близкие родственники – вичита. Крайне неопределенны культурные границы во всей притихоокеанской зоне от Ванкувера и дальше на юг. Уже по одной этой причине основная концепция книги ошибочна. Автор даже не пыталась обосновать свой исходный постулат и уж тем более не пыталась проверить на конкретных case studies, насколько идея культурных ареалов (о “цивилизациях” я уж не говорю) адекватна этнографическому и археологическому материалу. Книга Окладниковой – что угодно, но только не исследование, если понимать под исследованием выявление реальных связей и закономерностей, существующих в мире.

В книгоиздательстве не должно быть цензуры, если не считать крайних случаев, связанных с пропагандой насилия и т.п. Каждый пишет и печатает в меру своих способностей и возможностей. Рецензируемая книга – вовсе не самое худшее из того, что можно найти на прилавках и она имеет полное право на существование. Хочется только напомнить, что наука – лишь одна из форм интеллектуальной деятельности, есть много других. Поэтому ненаучные публикации не должны появляться под грифом академических учреждений. Ведь для науки опасна не конкуренция с философией, мистикой, теологией или публицистикой, а растворение в этих жанрах.

© ЭО, 2005 г., № 4

А.А. Бурыкин. Рец. на: *Е.А. Окладникова. Традиционные культуры Северной Америки как цивилизационный феномен.* СПб.: МАЭ РАН; Корона Принт, 2004. 544 с.

Новая книга Е.А. Окладниковой представляет собой учебное пособие по культуре народов Северной и Центральной Америки, обеспечивающее и поддерживающее вузовские курсы по культурной антропологии и этнокультурологии. Само по себе обращение автора к материалам по истории и культуре коренных жителей севера Америки с целью подготовки пособия по фундаментальным общеобразовательным и специальным курсам, которые читаются в различных вузах России для этнографов и историков, социологов, культурологов, педагогов, следует всемерно приветствовать, как не следует забывать о том, что после выхода в свет первого тома “Народы Америки” (М., 1959), ставшего частью многотомного издания “Народы мира”, мы не располагали обобщающими трудами в этой области.

Ясно и то, что, если такое учебное пособие готовит автор, внесший весомый самостоятельный вклад в изучение культуры североамериканских индейцев и хорошо владеющий истори

Алексей Алексеевич Бурыкин – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (С.-Петербург).